

Анна Рожкова
БОГ НАЧИНАЕТСЯ НА "Г"

12+

Анна Владимировна Рожкова

Бог начинается на «Г»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67483914

SelfPub; 2022

Аннотация

Грета – истинная арийка, Герберт – еврей. Они такие разные: она верует в Бога, он ставит под сомнение само его существование, она – домохозяйка, он – успешный адвокат, она мечтает о ребенка, он не хочет ни с кем ее делить. Но все эти несоответствия не помешали ему пронести любовь к жене через всю жизнь. В их жизни были успехи и радости, поражения и печаль. И вот, Грета серьезно больна. Герберт трогательно ухаживает за ней, оценивая их жизнь с высоты прожитых лет. В его душу закрадываются сомнения: сможет ли он выдержать посланные ему Господом испытания? Не слишком ли много выпало на его долю?

Анна Рожкова

Бог начинается на «Г»

«Мозг человека похож на пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите». Это сказал не я, а один умный человек, Артур Конан-Дойл, если эта фамилия вам о чем-то говорит. Я бы добавил, что без этого «чердака» нет и человека. Наверное, мозг – это все-таки фундамент, на котором держится весь «дом». К чему я веду? Кому нужны рассуждения старого маразматика? Впрочем, была ни была. Жизнь – непредсказуемая штука.

В молодости привычка Греты, моей законной супруги и матери моего единственного сына, все забывать казалась очаровательной «особенностью». С годами это стало раздражать. А в старости и вовсе пугать. Тогда мы не связывали память с работой мозга. Подумаешь, ну, забыла, с кем не бывает? Помню, как подарил Грете очаровательный маленький блокнотик с замочком и заставлял с вечера записывать все, что ей нужно не забыть сделать завтра и послезавтра и на неделю вперед. Но блокнотик она тоже забывала. Однажды вернулась из магазина с покупками, весело что-то напевая. «А где Герберт?», – спросил я. Надо было видеть ее лицо, когда она, бросив покупки, кинулась вон из дома. «Забыть ребенка в магазине? Целую коляску, – немыслимо, невозможно», – выговаривал я вечером жене. Она лишь тихо всхлипы-

вала, вжавшись в угол дивана. «Милая» особенность оказалась предвестником страшной болезни – Альцгеймера. Мы до последнего старались не замечать симптомов, притворялись, что все в порядке, что все пройдет. Пока Грета не забывала, как подносить ложку ко рту и ходить в туалет, да и вообще, как ходить.

***

Габриэль отложил ручку, снял очки и только сейчас с удивлением обнаружил зажатую в ладони визитку с номером телефона. Перед глазами возникло лицо с добрыми, все понимающими глазами: «Только позвоните, помощь рядом». «Помощь рядом, помощь рядом...», – Габриэль повторял эти слова по сто раз на день, как молитву. Стоит только протянуть руку... и ты свободен. Больше никаких памперсов, никакого стекающего по подбородку супа, никаких таблеток, которые нужно принимать строго по часам, никаких ночных бдений и бессонных ночей. А еще... никаких любимых глаз, родного запаха поседевших волос, опустевший дом и полное одиночество. Он выдвинул ящик стола, в сердцах бросил карточку и с силой захлопнул. Который час? Пора принимать очередную таблетку. Если бы они хотя бы немного помогали. Габриэль тяжело поднялся, опираясь обеими руками о поручни кресла и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Грета лежала в постели, собственно, там, где он ее и оставил. Она спала, из уголка рта на подушку стекала слюна. Га-

бриэль потряс ее за плечо. Она открыла выцветшие, некогда ярко-голубые глаза и бессмысленно заморгала. Беззубый рот сложился в улыбку и Грета произнесла:

– Мама...

– Грета, нужно выпить лекарство, – Габриэль поднес к ее губам таблетку и стакан с водой.

– Не хочу, оно горькое, – захныкала Грета.

– Ну, будь хорошей девочкой, а мама приготовит тебе кое-что вкусненькое, – засюсюкал Габриэль, засовывая таблетку в беззубый рот. – Ну вот, умница, запей водой. – Грета сморщилась, но воду послушно выпила, пролив часть себе на грудь. – – Нужно переодеться, Грета ведь не хочет замерзнуть, верно? – Габриэль пошел за чистой ночной сорочкой.

– Мамочка, мамочка, мы пойдем гулять? – Грета оживилась и замахала сухенькими ручками.

– Обязательно пойдем, но сначала нужно позавтракать, – мягко сказал Габриэль, снимая с иссохшего тельца рубашку и ловко надевая чистую.

– Не хочу завтракать, хочу гулять, – канючила Грета.

– Обязательно пойдем гулять, но сначала позавтракаем. Ты ведь не хочешь расстроить маму? – строго произнес Габриэль. Он с тоской вспомнил прямоугольную карточку в верхнем ящике стола и спасительный номер, набрав который он получит долгожданную свободу. Или, все-таки, одиночество.

«Помощь рядом, помощь рядом...», – шептал он, катя

инвалидную коляску в кухню. Габриэль, хотя родился в еврейской семье и был обрезан, как положено всем еврейским мальчикам, веру так и не обрел.

– Вера либо есть, либо ее нет, – любил рассуждать он за бокалом красного с друзьями и красавицей-женой. – Это как родиться без уха, новое ведь не отрастет.

– То есть, ты полагаешь, что вера дается при рождении, – уточняла Грета.

– Именно так, – глубокомысленно кивал он, делая глоток.

– А как же случаи, когда человек обретает веру после какого-то знаменательного события или сильного стресса? – возражала Грета.

– Теоретически это возможно, но исключения лишь подтверждают правила, – замечал Габриэль, катая на языке вино. – У этого красного определенно отменный вкус, чувствуются нотки разогретого на солнце Италии винограда...

– То есть несуществующее ухо вдруг отрастает, – перебивала, горячась, Грета.

– Ну, будем рассуждать так: некий зачаток уха был, но он спал глубоко внутри, а какое-то событие, как ты там выразилась? – дразнил жену Габриэль.

– Знаменательное событие или сильный стресс, – подсказывала раскрасневшаяся от спора и вина Грета.

– Так вот, этот самый зачаток вдруг просыпается после знаменательного события или сильного стресса. Как угодно, как угодно, – Габриэль поднимал бокал и смотрел на свет,

словно стараясь увидеть тот уголок Италии, где было произведено вино.

– Разве это не подтверждает наличие бога, ведь это божий умысел? – настаивала Грета.

– Не подтверждает, дорогая, скорее опровергает, – возражал Габриэль.

Обычно здесь в спор вступал кто-то из друзей и теологический спор, доставлявший всем истинное наслаждение, мог длиться до поздней ночи. Вера была единственной причиной споров, но разные взгляды на религию не мешали супругам жить, как бы банально это ни звучало, душа в душу.

Грета родилась в семье немцев, можно сказать, истинных арийцев, которым посчастливилось переехать в США, страну бескрайних возможностей. Когда семья Мюллеров поселилась по соседству, не проходило ни дня, чтобы Габриэль не думал об их красавице-дочери. Рослая, с узкой талией, высокой грудью, белокурыми кудряшками и пронзительно-голубыми глазами, Грета стала причиной бессонницы многих мальчишек в округе. И Габриэль не стал исключением. Он поглядывал на соседку издали, пробегал мимо, не смея поднять глаз и едва кивал на приветствия. Он трезво оценивал свои шансы. Вокруг Греты крутятся первые красавцы школы, он же не был не то, что красавцем, а даже мало-мальски привлекательным. Маленький, носатый, чернявый и смуглый, с россыпью юношеских прыщей и очками в толстой оправе, Габриэль был типичным батаном и заучкой. Ника-

ких особых усилий к учебе он не прилагал, просто она давалась ему легко, можно сказать, играючи. Пытливый мозг требовал более сложных задач, поэтому Габриэля всегда можно было застать за книгой. Блестяще окончив школу, он получил много предложений, но остановился на юриспруденции и благополучно отбыл в столицу штата, чтобы получить высшее образование.

Учиться он умел и любил, но Грету он любил еще больше, поэтому с нетерпением ждал каникул, чтобы вернуться домой и, хотя бы издали увидеть белые локоны и прекраснейшие на свете глаза. От одной мысли, что у него мог появиться конкурент, его бросало в дрожь. В каждом письме домой Габриэль словно невзначай интересовался судьбой Греты. Домашние, конечно, догадались, чем вызван такой интерес и подшучивали над беднягой. Из писем родных Габриэль узнал, что Грета устроилась продавщицей в местный магазин и по-прежнему живет по соседству. То, что Грета не вышла замуж, давало Габриэлю пусть небольшой, но шанс.

Едва переступив порог дома, Габриэль сразу оказался за столом. Пока родные праздновали долгожданное возвращение сына, сам виновник торжества беспокойно ерзал на месте. Чуткая мама, заметив состояние сына, шепнула:

– Ну, беги. Я же вижу, как тебе не терпится ее повидать.

– Спасибо, мам, – Габриэль с благодарностью сжал под столом мамину руку. Его не нужно было просить дважды: он пулей выскочил из-за стола и, едва гости успели опомниться,

уже мчался к заветному магазину.

Он остановился перед входом, чтобы отдышаться и обдумать, что сказать. Наконец, спустя целую вечность, решился войти.

– А я думала, ты так и будешь торчать возле входа, – засмеялась Грета. Габриэль густо покраснел и уже было развернулся, чтобы уйти, но звонкий голосок его остановил. – Даже не поздороваяешься? – Габриэль повернулся и впервые встретился глазами с Гретой, отчего еще больше покраснел. – Да ты красавец, – продолжил бойкий голосок. – Вытянулся, приделся, прекрасно выглядишь.

– Ты тоже, – выдавил из себя Габриэль. – Выходи за меня замуж? – он крепко зажмурился, ожидая услышать град насмешек, но было подозрительно тихо. Он с опаской приоткрыл один глаз.

– Ты серьезно? – спросила Грета. Габриэль кивнул. – Я согласна.

– Что? – он не поверил своим ушам.

– Я согласна стать твоей женой, – твердо повторила Грета. Не помня себя от счастья, Габриэль перемахнул через стойку и, схватив Грету в объятия, покрывал ее прекрасное лицо, которое снилось ему ночами, поцелуями.

– Дурачок,пусти, ты же меня задушишь, – смеялась новоиспеченная невеста, в шутку отбиваясь от настойчивого жениха.

Первая преграда ждала потерявшего от счастья голову же-

ниха дома.

– Ты же только начал учебу, – бубнила расстроенная мама, – какая может быть женитьба?

Отец нервно курил, все выжидательно смотрели на главу семейства, ожидая его вердикт. Мама – с надеждой, Габриэль – со страхом. Наконец отец докурил, словно в медленной съемке, затушил в пепельнице сигарету и, перевел взгляд с расстроенного лица жены на полное надежды – сына.

– Ну, вот что я скажу. Грета девушка хорошая, из хорошей семьи. – Отец снова замолчал, словно обдумывая что сказать дальше, – Все это, конечно, несколько преждевременно...

– Я бы сказала, сильно преждевременно, – вступила мать, но глава семейства сделал решительный жест рукой, и она замолчала.

– Но, ты Габриэль, уже мужчина и должен сам принимать решения. У меня только одно условие – свадьба – после окончания учебы. Раз ты готов связать себя узами брака, то и всю ответственность за обеспечение семьи должен также нести самостоятельно.

– Папа, спасибо, спасибо, – Габриэль вскочил со стула и бросился к отцу. Он не мог поверить, что все так легко разрешилось.

Отец же думал, что «убил двух зайцев» – не сказал «нет», но и отложил вопрос «в долгий ящик». Пока Габриэль закончит университет, много воды утечет. Если любовь настоящая, то время – не помеха, а если это просто юношеское

увлечение, то время расставит все по своим местам.

Следующим утром все трое отправились к Миллерам «женихаться». Отец по такому случаю облачился в воскресный костюм, который до этого надевал только в церковь, мама отгладила свое единственное «выходное» платье, которое доставалось из шкафа только «по особым случаям», Габриэль тщательно выбрился и постарался придать своим непослушным кудрям мало-мальски опрятный вид.

Миллеры встретили семейство Гутенбергов недружелюбно. Габриэль с порога почувствовал неладное и, заняв предложенное хозяином дома место, принялся грызть от волнения ногти.

– Дочка мне все рассказала, – начал мистер Миллер, когда все расселись. – Согласие она дала опрометчиво, не спросив разрешения родителей. Простите ей эту вольность. Я обещаю, что она будет наказана за непослушание.

– Ну что вы, – примирительно поднял руки мистер Гутенберг. – Заверяю вас, что мы тоже не в восторге от такой спешки, но...

– Вы знаете, – перебил мистер Миллер, – что Грета воспитывается в строгой католической вере. Она регулярно посещает церковь и замуж она выйдет с благословения родителей и главы нашей местной церкви. Ваш сын, насколько я знаю, – Габриэль с отчаянием заметил, что мистер Миллер не назвал его по имени. Это был плохой знак, – ммм..., – он пожевал губами, – я бы сказал, не католик.

– Да, мы евреи и не скрываем этого, – с вызовом бросила миссис Гутенберг.

– Ничего не имею против, но я свое слово сказал. Может, ваш сын готов перейти в нашу веру и вопрос будет таким образом решен, – с усмешкой произнес мистер Миллер, поднимаясь. «Ну, вот и все», – с горечью подумал Габриэль.

– Это исключено, – с достоинством произнес мистер Гутенберг.

– Ваше право, – сказал мистер Миллер вместо прощания. Домой Габриэль шел другим человеком – он понуро плелся за родителями, не замечая ничего вокруг. Едва войдя в дом, закрылся в своей комнате и ничком повалился на кровать. «Вера, какая-то дурацкая, никому не нужная вера. Просто атавизм какой-то», – рассуждал он, сверля невидящим взглядом потолок.

– Сынок, может, поешь? – произнесла мама из-за закрытой двери.

– Нет, мам, спасибо, – отозвался Габриэль.

Едва стемнело, он выбрался из своей комнаты через окно и залез в сад Миллеров. В столовой горел свет. Семейство чопорно сидело за столом, во главе стола возвышалась массивная фигура главы семейства. «Чурбан», – зло прошептал Габриэль. По правую руку сидели две старшие сестры, по левую – Грета и младшая сестренка. Мать прислуживала, то и дело поднося новые блюда. Наконец трапеза окончилась, мистер Миллер вытер салфеткой рот и поднялся. Де-

вичьи фигурки замелькали, помогая матери убрать со стола. Когда стол был девственно чист, девочки дружно покинули комнату, зажегся свет в двух комнатах наверху. Габриэль залез на второй этаж по водосточной трубе и осторожно пройдя по выступающей части первого этажа, заглянул в одно из освещенных окон. Он хотел незаметно позвать Грету, но дело осложнялось тем, что она спала с младшей сестрой. Грета сидела перед зеркалом туалетного столика и расчесывала блондинистые кудри, младшая сестренка читала, лежа на кровати. Габриэль прильнул к стеклу, боясь дышать. Сердце билось, словно пойманная в сети рыба. Грета закончила расчесывать волосы, подошла к выключателю и дом погрузился во тьму. Габриэль тяжело вдохнул, но вызвать Грету не представлялось возможным, не разбудив сестру. Он спустился на землю и решил подкараулить возлюбленную утром, когда она пойдет на работу.

Габриэль всю ночь не сомкнул глаз, а едва рассвело, торчал неподалеку от калитки Миллеров. Каково же было его разочарование, когда он увидел, что Грета выходит из дома в сопровождении младшей сестры. Замысел мистера Миллера был очевиден – отныне Грета не будет оставаться одна. Габриэль проследил за Гретой и ее сопровождающей до самого магазина. Он не отходил от входа весь день, наконец, маявшаяся от безделья сестра выбежала куда-то, радостно подпрыгивая. Габриэль кинулся внутрь.

– Сегодня вечером жди меня внизу, как только все лягут

и заснет Гертруда, я спущусь.

Так начались их тайные встречи: каждый вечер Габриэль ждал Грету в саду и помогал ей спуститься. Каждую вынужденную разлуку Габриэль словно умирал, чтобы возродиться вновь при встрече с любимой. Ему казалось, что учебе и их расставаниям не будет конца и они будут вынуждены всегда встречаться украдкой, страдая зимой от холода и согревая друг друга теплом рук и губ, летом сторонясь людных мест, чтобы мистер Миллер спокойно спал крепким сном истинного христианина. Габриэль мечтал слиться с Гретой воедино, стать одним целым, но возлюбленная противилась, останавливая его каждый раз, когда он был уже близок к тому, чтобы перейти запретную черту.

– Нет, Габи, нет, – мягко, но настойчиво отстраняла Грета пылко влюбленного.

– Но, почему, Грета? Мы же любим друг друга, я так тебя хочу, все равно мы скоро поженимся, – чуть не плача увещевал Габриэль.

Грета была непреклонна:

– Вот когда станем мужем и женой перед богом и людьми.

– Снова этот бог, от него одни неприятности, – злился Габриэль.

– Не смей так говорить, – шептала Грета.

Но всему приходит конец – подошла к концу и учеба Габриэля. Как одному из лучших студентов, ему поступило несколько предложений. В одном из них, кроме оплаты тру-

да, предлагалась оплачиваемая каморка, громко именованная: «квартирой». Это стало решающим моментом. Из родного городка пришлось в спешке бежать, на свадьбу не было денег, да и приглашенных, поэтому влюбленные просто расписались и стали вить любовное гнездышко. Грета оказалась отменной хозяйкой: она с легкостью и удовольствием выполняла обязанности по дому. Кроме того, Грета была удивительно неприхотлива, довольствуясь малым, да на большее у новоиспеченных супругов и не было денег.

Из писем Габриэль узнал, что мистер Миллер «рвал и метал», но вскоре успокоился и во всеуслышание заявил, «что у него больше нет дочери». Габриэль не хотел говорить Грете, но она нашла письмо, прочла и долго плакала. Габриэль успокаивал жену, как мог. Отчаяние сменилось злостью, а потом все стало более-менее стабильно, но он чувствовал, что рана затянулась только сверху, но все еще кровоточила внутри и старался не упоминать в разговорах их «прошлую жизнь».

***

Так прошли несколько счастливейших лет. Был ли я счастлив? Нельзя описать словами, насколько. Я купался в любви, вместо воды пил божественный нектар, запивая им амброзию. Мое счастье было настолько полным и всепоглощающим, что я стал эгоистом. Я жил только Гретой и только ради Греты, забывая обо всем. Работал я тоже ради Греты, только ради нее одной. Мне хотелось бросить к ее ногам все

золото мира, но я мог предложить лишь свое небольшое жалование, да убогую квартирку. Впрочем, она не жаловалась и казалась вполне довольной. Она вообще никогда ни на что не жаловалась.

Как-то мы лежали в постели, уставшие после любви, и я спросил Грету:

– Чего бы тебе хотелось? – я поднялся на локте и любовался ее утомленным лицом.

– Ребенка, – ответила она.

– Что? – я надеялся, что меня подвел слух.

– Габи, мы уже давно вместе, тебе не кажется, что нам пора завести ребенка? – к моему великому сожалению, я не ослышался. Грета хотела ребенка. Хотел ли я ребенка? Нет, нет, и еще раз нет. На самом деле, до этого момента я даже не задумывался о том, что придется делить Грету с кем-то еще. Говорю же, я стал эгоистом. Если бы я мог приковать ее к себе цепями, я бы незамедлительно это сделал. Я хотел быть с ней круглосуточно, не спускать с нее глаз, носить ее в себе, чтобы она стала моей частью в прямом смысле слова.

– Нет, не кажется, – ответил я, поднимаясь. – Нам и так неплохо.

– Но, почему? – воскликнула Грета и заплакала.

Я не мог видеть ее плачущей, конечно, согласился, я бы согласился на все, лишь бы не видеть ее слез.

– Ты бы кого хотел, мальчика или девочку? – счастливо смеялась Грета, прижимая мою ладонь к животу?

«Никого», – думал я, но вслух говорил:

– Мне все равно, лишь бы ты была счастлива.

– Мы, лишь бы мы были счастливы, – поправляла Грета.

На самом деле, мне действительно было все равно. Наверное, мне все-таки хотелось девочку, точную копию Греты, но я понимал, что это невозможно, такое совершенство рождается лишь раз в сотню лет, если не в тысячу, если вообще рождается. Поэтому мне было без разницы. Чем ближе наступал день родов, тем я больше нервничал. Если бы была угроза жизни ребенка или жены и врачи бы меня спросили, кого спасать, я бы точно знал, что ответить.

К счастью, мне не пришлось делать выбор. Радостная Грета показывала мне через стекло сверток, который оказался мальчиком, моим... нашим сыном.

– Давай назовем его Гербертом, – улыбаясь, предложила Грета.

– Почему Гербертом? – спросил я, просто, чтобы поддержать разговор, на самом деле мне было наплевать, как его назвать, хоть самым Дьяволом.

– Наши имена начинаются на «г», а еще...

– Что еще? – заинтересованно спросил я, до этого момента мысль о том, что оба наших имени начинаются на «г», не приходила мне в голову.

– Тебе это не понравится, – Грета замялась.

– Говори уже, – обреченно ответил я, догадываясь, куда она клонит.

– Бог начинается на «г»*.

Я только тихо застонал. Так орущий кулёчек стал Гербертом. Если счастье Греты стало полным, то мое несколько стерлось и выцвело, словно старая, застиранная простыня. Герберт требовал к себе слишком много внимания, неосознанно крадя его у меня. Впрочем, как оказалось, здесь были свои плюсы. Я стал больше времени уделять работе и это принесло свои плоды – сначала меня повысили, а потом, после того, как мне удалось выиграть одно громкое дельце и мое имя прогремело в газетах, меня пригласили в столицу мира.

– Нью Йорк, – выдохнула Грета. – Но, разве нам здесь плохо?

Я ожидал несколько иной реакции, как оказалось, помимо всех остальных пороков, тщеславие было мне не чуждо. Я упивался успехом, с гордостью демонстрировал жене первые полосы газет.

– Думал, ты будешь мной гордиться, – с горечью произнес я.

– Конечно, я тобой горжусь, – сказала Грета, не поднимая глаз от своего «сокровища». Она как раз кормила и счастливое выражение не покидало ее лица.

– Это видно, – я ушел из дома, громко хлопнув дверью и впервые в жизни напился, завалившись домой под утро. Ребячество, да и только. Грета поплакала на моем плече и инцидент был исчерпан.

Нью Йорк поражал: огни, машины, люди, много людей. Здесь дышалось полной грудью, хотелось до самой макушки окунуться в эту роскошь, выныривая лишь для того, чтобы набрать больше воздуха. Я был окрылен, очарован, сбит с толку, Грета – обескуражена и подавлена. В глубине души она так и осталась той провинциальной девочкой, страшящейся своего тирана-отца и кары господней.

– А далеко ли здесь церковь? – нервно спрашивала она таксиста, прижимая к груди напуганного Герберта.

Я быстро освоился, чувствуя себя в своей стихии, я выигрывал дело за делом, перевез семью в роскошную квартиру с шикарным видом на город, заваливал Грету бриллиантами и мехами. Перед нами открыли двери лучшие дома, однажды, клянусь, на одном из приемов, я стоял рядом с президентом, так близко, что разглядел пятнышко на его белоснежном воротнике. Стал ли я любить Грету меньше? Нет, упаси боже, конечно, нет. Просто слава и успех оказались слишком сильными наркотиками. В конце концов, у Греты появился ее Герберт, у меня – успех. Все честно или я просто так себя успокаиваю.

Грета тяготилась своим положением супруги блестящего адвоката, роскошь была ей чужда, люди – враждебны, город казался ей земным филиалом ада. С большим трудом мне удалось навязать ей няньку. «Мне нужно, чтобы у тебя были развязаны руки, понимаешь? – увещевал я строптивицу. – Мне нужна спутница, понимаешь? Красивая спутница».

Через год жизни в Нью Йорке я решил повезти семью в Италию – колыбель цивилизации. Я представлял себя неким Прометеем, дарящим Грете пламя знаний. «Мы увидим работы Микеланджело, насладимся Рафаэлем», – от такой перспективы у меня кружилась голова, у Греты кружилась голова в полете, мы никогда раньше не летали, но я воспринял новый опыт с восторгом, Грета с Габриэлем – с ужасом, она поминутно крестилась, одновременно пытаюсь успокоить ревущего в голос сына. Микеланджело с Рафаэлем наводили на жену тоску, спустя пару дней я сдался и повез семью на море. Здесь была их стихия, пока я, зевая, почитывал газету, Грета плескалась в море, а Герберт с упоением ковырялся в песке. Отдых был испорчен. Я иногда отрывался от колонки новостей, чтобы полюбоваться женой в бикини. Впрочем, не я один. Все мужики, от мала до велика, чуть шеи себе не свернули, пялясь на мою жену. Особенно выделялся мускулистый итальянский мачо в красных плавках. Предполагалось, что он должен следить за неосторожными туристами, но он, по-моему, следил исключительно за моей женой. По крайней мере, если Грета начнет тонуть, я мог быть за нее спокоен.

Спустя два дня лежания на пляже в позе тюленя я мечтал вернуться в Нью Йорк, спустя неделю – застрелиться. Мои домашние были счастливы: запасы песка не заканчивались, море тоже оказалось нескончаемым, в отличие от моего терпения. Спасатель тоже не собирался никуда исчезать, крас-

ные плавки так и маячили на горизонте.

– Габби, я тебе изменила, – сказала Грета за завтраком, так буднично, словно инцидент ничего не значил. Таким же тоном она говорила, что у нас закончился хлеб или, что пора оплачивать счета. Сердце испуганно сжалось, а потом пустилось вскачь, огромным усилием воли удалось хоть как-то взять себя в руки.

– Ты хочешь от меня... от нас уйти? – выдавил я из себя спустя целую жизнь. «Почему я сказал «мы», ведь малыш Герберт интересовал меня меньше всего?» Уж точно меньше, чем Грета.

– Нет, если ты меня... нас не прогонишь, – произнесла она, намазывая масло на хлеб.

Мне было так больно, что хотелось сделать больно ей, вывести из этого состояния покоя. В последствии я об этом не раз жалел.

– И где же был твой бог, когда ты кувыркалась с этим спасателем. Ведь это же был спасатель? – прошипел я. Мой укол пришелся в самое больное место. Грета побледнела и уронила нож. Стало, пусть немного, но легче.

Мы вернулись в Нью Йорк, а Грета – в церковь. Целый месяц она не подпускала меня к себе, постоянно молилась и плакала. Я в очередной раз удивился такой несправедливости: изменила она, а наказан я.

Ровно через месяц Грета «вернулась» в мою постель и в семью. «Как удобно, помолился и можно начать жизнь с чи-

стого листа, словно ничего не произошло».

***

В парке было холодно, сыпал снег, Габриэль расчистил местечко на лавке, опустился, повернув «кресло» к себе. Грета восторженно смотрела на снежинки, широко раскрыв выцветшие глаза и приоткрыв рот.

– Мамочка, снег, – произнесла она.

– Да, Грета, снег, – эхом откликнулся Габриэль. – Скоро Рождество. Приедет Герберт. Помнишь Герберта?

– Нет, а кто это? – с интересом спросила Грета.

– Да так, один мужчина, скоро ты с ним познакомишься, – вздохнул Габриэль.

Каждый год он знакомил Грету с сыном, но она не проявляла к нему никакого интереса, впрочем, это было взаимно. Герберт навещал их раз в год, в Рождество, Габриэль догадывался, что он делает это с корыстными целями. Дело в том, что Габриэль дарил ему на Рождество чек. Этот год не стал исключением. Габриэль позвонил заранее и пригласил сына на ужин. Звонил он тоже раз год, каждый раз задаваясь вопросом, пришел бы Герберт, если бы он ему не позвонил.

Звонок в дверь прозвучал ровно в шесть. Габриэль открыл дверь, Герберт переступил порог и пожал отцу руку:

– Здравствуй, папа.

– Здравствуй, сынок.

Герберт потянул носом воздух:

– Кажется, индейка подгорела.

– Кажется, ты прав, – отозвался Габриэль, спеша на кухню.

Этот диалог повторялся слово в слово из года в год, с тех пор, как заболела Грета. Из года в год индейка подгорала. Когда Грета была здорова, дом дышал счастьем и любовью, а в Рождество воздух можно было резать и подавать к столу. Сейчас пахло старостью, немощью и лекарствами, а в Рождество примешивался запах горелой индейки.

Габриэль водрузил неаппетитную птицу в центр стола, все заняли свои места, как когда-то, в прежней жизни. Повисло тягостное молчание. Габриэль молча разрезал индейку и положил большой кусок Герберту.

– Спасибо, – произнес сын, уткнувшись носом в тарелку. Еще один кусок дымился на тарелке Греты, самый маленький Габриэль положил себе.

– Как дела, сынок? – осведомился Габриэль.

– Все хорошо, папа, – откликнулся Герберт. Габриэлю казалось, что он в театре, где актеры выучили свои роли, но играли так бездарно, что хотелось встать и уйти. Некоторое время ели молча, вдруг Грета громко пукнула. – Папа, какого черта? – Герберт бросил вилку с ножом в тарелку. – Меня сейчас вырвет, честное слово. Меня тошнит от вас, понимаешь? Тошнит от всего этого, – Герберт обвел рукой комнату. – Тошнит от этих разговоров. «Когда ты придешь не один?» – передразнил Герберт противным голосом, неумело копируя голос отца. – Никогда, ты слышишь? Никогда! Почему? Да потому что я живу в паршивой квартирке в парши-

вом районе и зарабатываю гроши, я нигде не задерживаюсь дольше, чем на несколько месяцев. Да тебе на самом деле на меня плевать.

– А тебе? – Габриэль поднял бровь. Он словно со стороны с интересом наблюдал эту сцену, чистая импровизация, это всегда интересно.

– Что я? Что я должен делать? – заорал Герберт. – У тебя куча денег, а ты возишься с этим... этим существом, – он пальцем указал на «кресло» Греты. Та, словно почувствовав внимание, ослабилась беззубым ртом.

– Не смей говорить так про мать, – спокойно ответил Габриэль, пытаясь справиться с ножом и вилкой. Наконец, сдался, отложив их в сторону.

– Ты... блестящий адвокат, правильный до мозга костей, – противным голосом продолжил Герберт. – Ненавижу тебя, слышишь, ненавижу.

– Твое право, сынок...

– Не называй меня «сынок», – заорал Герберт.

– А как тебя называть? – спросил Габриэль. – Если тебе нужна была помощь, ты мог бы позвонить. – К сожалению, Габриэль не унаследовал ни красоты матери, ни работоспособности и харизмы отца. «Жалкое подобие, – думал Габриэль, смотря на сына, – неудивительно, что он ничего не добился в жизни».

Герберт не нашелся, что ответить, он с грохотом отодвинул стул, в сердцах бросил на стол салфетку и бросился по

ступеням вниз. «Ты знаешь, где меня искать», – крикнул Габриэль. Спустя минуту хлопнула входная дверь, затем снова открылась и снова хлопнула. «Вернулся за чеком», – с усмешкой подумал Габриэль.

– Что случилось? – встрепенулась Грета.

– Все в порядке, дорогая, – отозвался Габриэль, поднимаясь.

Он вошел в кабинет, открыл верхний ящик стола, вытащил визитку доктора с добрыми глазами, повертел ее в руке и без малейшего сожаления выбросил в мусорное ведро.

* В английском языке слово «бог» – god начинается на g

06/02/2022